

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ПРЕДДВЕРИИ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Россия складывалась в многонациональную державу под давлением геополитических обстоятельств; в их основе лежало представление о том, что объединение с российским государством — осознанная необходимость многих народов. Российская империя характеризуется как поликультурная, полинациональная и поликонфессиональная страна, базисом которой являлись восточнославянские народы. Для России были характерны как центристско-решительная, так и центробежная тенденции. В преддверии и в годы Первой мировой войны в России стали накапливаться национальные проблемы, не находившие должного внимания и разрешения со стороны императорской власти, чем воспользовались наиболее радикально настроенные политики; это привело к усилению сепаратистских настроений и поддержке некоторыми национальными меньшинствами революционных преобразований.

Ключевые слова: национальная политика, руссификация, национальные воинские формирования, национально-политические движения, культурная автономия, право наций на самоопределение.

К концу XIX в. Россия обрела естественные границы, признанные международным сообществом. В рамках этих границ находились некоторые народы, присоединенные исходя из сложившейся на соответствующий исторический период международной обстановки. Поэтому необходимо учитывать, что Россия складывалась в многонациональную державу под давлением специфических геополитических обстоятельств, определяющим стержнем которых выступало долговременное совпадение в тот или иной период интересов народов на обширных просторах значительной части Европы и Азии; это способствовало их преимущественно добровольному единению. Зачастую именно так осознавалась необходимость объединения с Россией многими народами, принимавшими на том или ином этапе решение в целях самосохранения воспользоваться ее государственным покровительством.

В тех же случаях, когда присоединение достигалось посредством принуждения, оно чаще всего диктовалось настоятельными потребностями обеспечения безопасности представлявших постоянную угрозу направлений. Военные акции, предпринимавшиеся в отношении таких народов, как правило, не приводили к установлению дискриминационных норм, а их главное предназначение сводилось к стабилизирующим ситуацию внешним российским государственным ограничениям с сохранением статуса местного регионального самоуправления и возможностей для дальнейшего развития этнонациональной самобытности. Такого рода ограничения были не чем иным, как долговременным политическим компромиссом, конечной целью которого являлось постепенное гражданское приобщение к России. Поскольку элементы добровольности и силового принуждения закономерны для становления любого государства, можно сделать вывод

о том, что проводившиеся Россией завоевания тоже были одной из составных частей общего геополитического стабилизационного процесса, происходившего на протяжении многих веков в пределах Евразии. Французский историк Элен Каррер д'Анкокс отмечает исторически сложившуюся в России практику: «Каждая часть империи должна организовываться с учетом ее специфики, а не в качестве части всей совокупности колоний», как обстояло дело с английскими колониями (Каррер д'Анкокс, 2010, с. 38).

Согласно переписи 1897 г. в России проживало 66,8 % населения, принадлежавшего к русской этнолингвистической группе (великороссы составляли 44,3 %, малороссы — 17,8 %, белорусы — 4,7 %) (Первая всеобщая перепись населения, <http://demoscope.ru>). Второй по численности этнолингвистической группой были тюрки (11,7 %); третьей — «семиты», т.е. евреи (3,3 %); четвертой — «яфетиды», т.е. грузины, армяне, народы Северного Кавказа (3,1 %); пятой — народы финно-угорской языковой семьи (3,0 % всех подданных империи); шестой — народы балтийской группы индоевропейской семьи языков (2,4 %) (Мастюгина и др., 2013, с. 133–134).

Таким образом, как мы видим, Российская империя была поликультурной, полинациональной и поликонфессиональной страной, в которой доля образовавшего ее народа (т.е. собственно русских) не достигала половины населения. Вместе с тем страна имела «этнический стержень» в лице восточнославянских народов, вместе составлявших более 2/3 ее подданных. По мнению ряда исследователей, в русскую нацию включались великорусы, малорусы и белорусы, а также национальности территории Поволжья и впоследствии Сибири (Миллер, 2008, с. 37).

Несмотря на интенсивную колонизацию, которую проводило царское правительство в течение нескольких веков, к 1917 г. на территории собственно России, не говоря уже об имперских окраинах, сохранились крупные и компактные массивы инационального, нерусского населения в местах его традиционного проживания, которые не стремились смешиваться с русскими. Более того, ни один даже самый малочисленный народ, находясь в составе Российской империи, не перестал существовать как этнос. Несмотря на то что были отдельные ограничения по этническому признаку, однако не было юридически господствующей нации и национального угнетения в пользу русских. Как справедливо отмечает В. А. Ачкасов, «национальная идентификация на массовом уровне не была доминирующей на протяжении практически всей истории Российской империи» (Ачкасов, 2012, с. 168).

Несмотря на появившиеся запреты на использование родного языка во второй половине XIX в., касающиеся беспокойных национальных окраин (например, указы Александра II 1863 и 1876 гг. — о запрете украинского языка в публицистике, а затем и в литературе; Александра III 1885 г. — о введении в Прибалтийском крае делопроизводства и переписки должностных лиц на русском языке, 1887 г. — о преподавании в средних учебных заведениях на русском языке; Николая II 1900 г. — о постепенном введении русского языка в делопроизводство Великого княжества Финляндского) (Пушкарев, 1991, с. 333), в целом процесса языковой русификации не было, т.е. не происходило перехода на русский

язык других народов страны. Это не означает, что не происходила естественная русификация малых этнических групп, расселенных в русской среде, а также представителей национальных элит. Данный факт свидетельствует о том, что присущие империи того времени разнонаправленные этнодемографические и этноязыковые тенденции не давали никакого преимущества ее русским подданным.

Естественно, русский язык был распространен значительно шире, чем собственно русское население. Но лишь немногие народы, продолжая сохранять этническую идентичность, частично перешли на русский язык — в основном некоторые диаспоризированные группы, например поляки и литовцы, проживающие на территории собственно России, а также цыгане. По данным на середину 1920-х гг., 4,4 % населения, не русских по своему происхождению, считали русский язык родным (Мастюгина и др., 2013, с. 136). Подобное явление — использование языка для межнационального общения — относилось не только к русскому. В Поволжье в качестве таких языков выступали татарский и калмыцкий, на Кавказе — черкесский, лезгинский, грузинский, азербайджанский, в Средней Азии — узбекский, в Сибири и на Дальнем Востоке — якутский, ненецкий, корейский.

Продолжалась практика сосуществования различных конфессий. Россия уважала обычаи мусульман и представителей других религий. Так, все существующие в России и состоящие из русских подданных христианские неправославные церкви, а также лица нехристианских иноверных исповеданий (караимы, евреи, магометане и др.) пользовались правом свободного исповедания своей религии, но без права проповеди своего вероучения (Россия, 1991, с. 170). В Средней Азии и на Кавказе не практиковалось насильственное крещение мусульман. С 1886 г. мусульмане были уравнены в правах с русским населением, имели своих независимых шариатских судей (кадиев) и право выбирать низшую администрацию.

В то же время по отношению к нехристианским религиям в России были введены некоторые ограничения. Так, в 1887 г. по решению Государственного совета мусульмане объявлялись свободными в отправлении своего культа при условии, что это не будет вредить православной церкви. Только мусульманские общины, платившие налог и насчитывавшие не менее 300 чел., могли строить мечеть, которую обязаны были содержать сами. Там, где были церкви, мусульманам предписывалось испрашивать разрешение у православного архиепископа на возведение мечети (Ланда, 1995, с. 138). Царская администрация не препятствовала эмиграции мусульман в Османскую империю. Официальной считалась политика покровительства мусульманам со стороны царя. Таким образом, приоритетной целью в России была не религиозная или культурная ассимиляция, а безопасность государства.

Веротерпимость в Российской империи уживалась с развитием миссионерской деятельности Русской православной церкви. Синодом разрабатывались правила, положения и уставы миссионерских организаций, проводились все-российские и местные миссионерские съезды, велась и иная организационная и практическая деятельность. Она нередко сопровождалась полицейско-

административными мерами, вплоть до судебных процессов, лишения земли, выселения и даже ссылки в Сибирь лиц, упорствующих в своих «религиозных заблуждениях». Миссионеров специально обучали антикатолической или противомусульманской проповеди. Миссионерские организации, поддерживаемые государством, обладали большими возможностями и денежными средствами. Однако нельзя сказать, что миссионерская деятельность была эффективной. Так, по данным за 1912 г., православное крещение приняли 15 381 чел., однако за тот же период вышли из православия 11 629 чел. (Мастюгина и др., 2013, с. 139). Такая ситуация стала результатом курса царской власти на либерализацию общественной жизни и связана с Октябрьским манифестом 1905 г.

Народы, вошедшие в состав России, в отличие от народов, присоединенных другими странами как Запада, так и Востока, не подвергались шовинистической унижительной дискриминации в системе управления. Для них она чаще всего имела не прямое, а косвенное предназначение, без посягательства на основные нормы этнического общественного быта, при соблюдении уважительного отношения к их обычаям и религиозным верованиям. В сфере гражданских прав русская власть избегала резкой ломки, считаясь с правовыми навыками населения, и оставляла в действии на управляемой территории те правовые нормы и правила, которые сложились исторически: конституцию с сеймом в Великом княжестве Финляндском; Кодекс Наполеона в Царстве Польском; литовский статут в Полтавской и Черниговской губерниях; магдебургское право в Прибалтийском крае; местные законы (обычное право) на Кавказе, в Сибири, в Туркестанском крае и т. д.

Характерной чертой Российской империи в начале XX в. явилось выдвижение представителей нерусских этнических групп на высшие политические и административные должности. Так, по данным переписи 1897 г., только 53 % потомственных дворян называли родным языком русский. Среди 164 депутатов Государственной думы IV созыва, избранных осенью 1912 г. от всех губерний Прибалтики, Украины, Белоруссии и Молдавии, более 90 % выступали за «единую и неделимую» Российскую империю (Тавадов, 2013, с. 344).

Развитие капитализма привело также к интернационализации класса буржуазии. Российский капиталистический класс формировался не только на основе всех социальных слоев общества. В его состав вошли представители многих российских и зарубежных народов. Так, в списке наиболее крупных российских предпринимателей кроме русских можно обнаружить множество украинских, польских, немецких, еврейских, греческих, армянских фамилий, а также поданных Германии, Австрии, Франции, Италии, Великобритании.

Несмотря на введение всеобщей воинской повинности в 1874 г., в российской армии продолжали функционировать национальные воинские формирования (Подпрятков, 2012, с. 148–207). Однако часть народов — финны, киргизы, таджики, узбеки, буряты, каракалпаки, якуты, азербайджанцы, горцы Кавказа, калмыки, малые народы Сибири и Севера — были освобождены от обязательной службы и поступали в армию лишь добровольцами.

Основным по численности воинским формированием, сочетающим в себе социальные и национальные признаки, являлось казачество. К началу XX в.

в России было 11 казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское. Были также красноярские и иркутские казаки, образовавшие в 1917 г. Енисейское казачье войско и Иркутский казачий полк Министерства внутренних дел. Все казачьи войска и области были подчинены Главному управлению казачьих войск, а с 1910 г. — Казачьему отделу Главного штаба Военного министерства во главе с атаманом всех казачьих войск (им был наследник престола). Численность казаков, находившихся на военной службе в период Первой мировой войны, составляла 368 тыс. чел. (Воскобойников, 1996, с. 50).

Первая мировая война заставила вернуться к национальным формированиям. Были учтены и антинемецкие настроения среди славянских и балтийских народов. В 1914–1917 гг. были сформированы две сербские дивизии, а также корпус чехословацких легионеров (38,5 тыс. чел), имевший русский командный состав, но чешских обер-офицеров. Польские легионы находились в составе русского Гренадерского корпуса. Польские части формировались как противовес польским легионам Германии и Австро-Венгрии. Резкое противостояние с немцами стало причиной просьбы латышей об их участии в войне с Германией. К концу 1917 г. две латышские стрелковые бригады численностью в 18,5 тыс. чел. демонстрировали образцы стойкости и храбрости на германском фронте. В 1914–1917 гг. несколько тысяч эстонцев были мобилизованы в русскую армию, из них было скомплектовано соединение до 12–15 тыс. чел. (Мастюгина и др., 2013, с. 140–142).

В августе 1914 г. была сформирована Туземная (Дикая) дивизия, в которую вошли Кабардинский, Дагестанский, Татарский, Чеченский, Черкесский, Ингушский полки, Осетинская бригада, а также 8-й Донской казачий артиллерийский легион. Отдельные сотни этих полков состояли из азербайджанцев, балкарцев, карачаевцев, мегрелов и абхазов. В 1915 г. были созданы армянский добровольческий конный дивизион и шесть армянских стрелковых батальонов, а также Маньчжурская конная сотня.

Гражданская война развела национальные воинские формирования по разные стороны окопов. Часть их (значительная доля казачества, калмыков, Дикая дивизия кавказских горцев) сохранила верность присяге и впоследствии сражалась на стороне Белой гвардии. Другие (например, латышские стрелки, татарские бригады) составили боеспособные части Красной армии.

Во второй половине XIX — начале XX в. стали нередки случаи преследования граждан по национальному признаку, что позволяет некоторым современным исследователям акцентировать внимание на русификации и антисемитизме, сопровождавшихся преследованием национальных и религиозных меньшинств (Леклерк, 2014, с. 71). Действительно, с началом Первой мировой войны на гребне патриотизма и антигерманских настроений изменилось отношение к подданным Российской империи немецкого, австрийского или венгерского происхождения.

В 1915 г. был издан целый ряд законодательных актов, ограничивающих в правах эту часть населения: «О землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или

германских выходцев», «О прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях», «Об Особом Комитете по борьбе с немецким засильем», «О воспрещении преподавания на немецком языке» и др.

Этими законодательными актами под угрозой штрафа было запрещено публичное употребление немецкого языка. В некоторых местах дело доходило и до немецких погромов. Предписывалось выселение немцев в восточные районы страны (правда, законы не затронули привилегированных слоев населения). К началу 1917 г. выселили часть волынских немцев. В то же время 150 тыс. российских немцев, призванных в действующую армию, сражались на фронтах войны. Февральская революция приостановила антинемецкую истерию. В 1917 г. законодательные акты 1915 г. были приостановлены до пересмотра их Учредительным Собранием.

До 1917 г. продолжались притеснения российских евреев, поддержанные самодержавием. Жесткую антиеврейскую, антисемитскую позицию занял наиболее крайний, монархический фланг российских общественных движений — несколько десятков союзов и организаций, получивших общее название «черная сотня» (наиболее крупные из них: Русское Собрание, Монархическая партия, Союз русского народа, Союз Михаила Архангела). Идеология черносотенцев своеобразно развивала официальную доктрину графа С. Уварова о «самодержавии, православии, народности». Черносотенцы пользовались поддержкой самодержавия. В то же время национальные гонения не составляли содержание государственной политики, хотя и имели сторонников во властной иерархии.

Ущемленное положение еврейского населения, преследования евреев со стороны властей и черносотенцев вызвали не только их частичную эмиграцию за рубеж, но и активное участие в политической жизни и борьбе того времени. Еврейское население активно поддерживало общероссийское рабочее движение как социал-демократического, так и радикально-большевистского толка.

Возникали собственно еврейские социал-демократические партии (наиболее известная из них — Бунд). Все это предопределило широкое участие еврейского населения страны в революциях 1905 и 1917 гг.

Внутренняя самостоятельность инонациональных сообществ и внешние российские административные ограничения указывают на то, что в государственную систему России было заложено не подавление, а именно политический компромисс. Попытки выйти за его рамки и «создать однородную империю» (Матвеев, 1998, с. 551) по типу западных, в наибольшей степени проявившиеся при последнем российском монархе Николае II в конце XIX в., вступали в противоречие со сложившейся практикой управления и вызвали этнополитическую напряженность на ряде окраин, а в некоторых случаях породили сепаратизм, ранее у тех же народов не наблюдавшийся.

Отличие России от других универсалистских образований мира состояло также в том, что инонациональная российская периферия из-за своего сопредельного расположения и равноправного статуса постепенно утрачивала признаки обособления и инородности, интегрируясь по мере формирования об-

щегражданских связей в единое государственное пространство. Вместе с тем естественным путем происходило ее политическое, цивилизационное и социально-экономическое срастание с центральными собственно русскими областями. В меньшей степени таким процессом были охвачены те земли, которые прежде долгое время находились вне российской зависимости: Польша, Финляндия, Прибалтика, Западная Украина.

По сравнению с другими имперскими объединениями Запада и Востока, где также отчасти существовала интегрированность, только в России она была государственно-политической, с обеспечением для инациональных сообществ таких же охранительных функций, как и для русских, и сопровождалась признанием многими из них Российского государства своим отечеством. О существовании в ее имперских границах полиэтнонационального общегражданского сообщества свидетельствует наличие у большинства народов России двойного самосознания: этнонационального и общероссийского.

Новым явлением в национальной жизни России было возникновение национально-политических движений и политических партий российских меньшинств. Их политическая самоорганизация по типу, характерному для индустриального общества, ненамного отстала от создания первых политических партий русским населением. В политической деятельности участвовала в первую очередь интеллигенция, поэтому национальные партии были созданы или наиболее развитыми, или наиболее крупными народами империи. Прежде всего, это относится к народам крупных и национально самодостаточных имперских окраин: Финляндии, Прибалтики, Польши, Украины, Закавказья. Для народов собственно России в ее современных границах национальная партийная деятельность была характерна меньше — политическую активность проявляли в большей степени татары, осетины, якуты и др.

Среди политических партий, созданных народами Российской империи, по идеологии доминировали два типа: национально-либеральные (буржуазные) и национально-социалистические. Подавляющее большинство национальных партий видело будущее своего народа в составе России на правах автономии.

В 1870-х — 1880-х гг. на российской почве стали возникать идеи культурной автономии народов в рамках переустроенной на федералистских началах Российской империи. Не случайно эти проекты исходили из недр формировавшихся национально-политических движений крупных народов имперских окраин, прежде всего украинского. Тогда же возникли и автономистские настроения на окраинах России, населенных преимущественно русскими, прежде всего в Сибири, подвергавшейся колониальной эксплуатации.

Вместе с тем до последних своих дней царское правительство игнорировало все требования национальных меньшинств об автономии. Единственной уступкой местному самоуправлению была проведенная во второй половине XIX в. земская реформа, тем не менее не предоставившая прав местного самоуправления и культурной автономии национальным (этническим) группам (земства не распространялись на нерусские территории). Более того, падение монархии в феврале 1917 г. породило у народов России большие ожидания, которым не суждено было сбыться. По справедливому замечанию Э. Каррер д'Анкос, на-

блюдались, «с одной стороны, рост национального самосознания и желание народов, по крайней мере, в первое время построить отношения с Россией на новой основе, с другой — очевидная неспособность Временного правительства дать адекватный ответ на запросы масс» (Каррер д'Анкокс, 2010, с. 178). Поэтому проблема национально-государственного переустройства России стала прерогативой политических партий и движений, в первую очередь радикального толка (социал-демократов, а впоследствии — большевиков).

Наличие у большевиков конструктивной программы в области реформирования местного самоуправления и всей национально-государственной структуры империи давало им определенные политические преимущества и во многом предопределило их победу в октябре 1917 г. и позднее.

С точки зрения большевиков, национальное движение играло важную роль в определенных временных рамках, а именно в условиях развития капитализма. Причем значимость национального вопроса В. Ленин признавал только на период, предшествующий революции и победе рабочего класса, так как впоследствии рабочий класс, по его мнению, сам сможет преодолеть национальные различия. Но, чтобы достичь компромисса, он считал возможным заключить временный союз с нациями, для чего необходимо было признать не только полное равноправие всех наций, но и равноправие в отношении государственного строительства, т. е. право наций на самоопределение, на отделение (Ленин, www.revolucia.ru).

В то же время в большевистской программе отразились идеи о подчиненности национального вопроса социально-классовому. Так, поддержка решения о государственном отделении не должна была противоречить задачам «пролетарского интернационализма» — солидарности между рабочими разных национальностей в борьбе против буржуазного строя. Решение о самоопределении признавалось неоспоримым в том случае, если оно вело к развитию революционной ситуации.

В дореволюционном подходе партии большевиков к национальному вопросу выделялись два этапа становления национального движения. Первый характеризовался как пробуждение национальной жизни, борьба против национального угнетения и, по существу, относился к периоду буржуазной революции за создание национального государства. Для второго этапа были характерны развитие отношений между нациями, ломка национальных перегородок, интернациональное единство всех областей жизни. По мнению идеологов большевизма, этот этап становления национально-политических движений связан с социалистической революцией, т. е. с борьбой пролетариата против буржуазии за завоевание политического господства.

Учение о двух этапах революции и, соответственно, двух этапах решения национального вопроса составило суть большевистской теории самоопределения. Однако в дореволюционное время национальный вопрос рассматривался практически лишь как проблема первого, т. е. буржуазно-демократического, этапа, а второй этап казался делом отдаленного будущего.

Начало Первой мировой войны привело В. Ленина к мысли о том, что капиталистическая система, в силу внутренних противоречий, входит в стадию

кризиса, а следовательно, приближается второй этап революционной борьбы. Но вследствие неравномерности развития капитализма в разных частях мира и особенно в таких странах, как Россия, буржуазно-демократический и социалистический этапы национально-освободительной борьбы могут протекать одновременно, влияя друг на друга. Эти идеи были изложены Лениным в 1916 г. в тезисах «Социалистическая революция и право наций на самоопределение».

Программа большевиков в национальном вопросе была целиком подчинена главному направлению деятельности партии, а именно организации успешной социальной революции. Недовольство иноэтнического населения империи национальным неравноправием усиленно подогревалось, в том числе и тезисом о самоопределении, который могли адекватно воспринять лишь наиболее развитые в социально-экономическом отношении народы страны. В национально-политическом движении нерусских народов большевики видели потенциального союзника для свержения царизма, а впоследствии и буржуазно-демократической власти.

Для России в целом были характерны как центростремительная, так и центробежная тенденции. С одной стороны, разные национальности были связаны общими интересами, сложившимися веками и вытекавшими из географического единства территорий, их взаимной экономической зависимости, что порождало центростремительную тенденцию. С другой стороны, в конце XIX — начале XX в. стала проводиться политика насильственной русификации инородцев, ставшая ответом царского правительства на польское восстание 1863–1864 гг. и охватившая в основном западные территории империи, возмущая национальные чувства. Уже к концу XIX в. стало очевидным, что при первом потрясении, которое переживет государство, национальная элита, пробудившаяся к национальному самосознанию, будет бороться против бюрократической централизации и русского национализма.

Таким образом, в преддверии и в годы Первой мировой войны в России стали накапливаться национальные проблемы, не находившие должного внимания и разрешения со стороны императорской власти, чем воспользовались наиболее радикально настроенные политики. Предложенный большевиками вариант национального самоопределения вплоть до отделения способствовал усилению сепаратистских настроений и поддержке некоторыми национальными меньшинствами революционных преобразований, осуществленных в конце 1917 г.

Литература

Ачкасов В. А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. 232 с. (*Achkasov V. A.* Policy of Identity of the Multinational States in a Context of a Solution of a Problem of Safety. SPb.: Publishing House of the St. Petersburg University, 2012. 232 p.)

Воскобойников Г. Л. Казачьи формирования в Первой мировой войне // Проблемы казачьего возрождения: сб. науч. ст. Ч. 2. Ростов н/Д.: Логос, 1996. С. 68–74 (*Voskobojnikov G. L.* The Cossack Formations in the First World War // Problems of the Cossack Revival. The Collection of Scientific Articles. Part 2. Rostov-on-Don: Logos, 1996. P. 68–74).

Каррер д'Анкосс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 431 с. (*Karrer d'Ankoss Je.*

The Euroasian Empire: History of the Russian Empire since 1552 up to Now. M.: The Russian Political Encyclopaedia (ROSSPEN), 2010. 431 p.).

Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М.: Восточная литература, 1995. 312 с. (*Landa R. G.* Islam in the History of Russia. M.: East Literature, 1995. 312 p.).

Леклерк А. Русское влияние в Евразии: Геополитические истории от становления государства до времен Путина. М.: Альпина Паблшер, 2014. 367 с. (*Leklerk A.* Russian Influence in Eurasia: Geopolitical Stories from Formation of the State till Putin's Times. M.: Al'pina Publisher, 2014. 367 p.).

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // www.revolucia.ru/pravonac.htm (*Lenin V. I.* On the Right of the Nations to Self-Determination // www.revolucia.ru/pravonac.htm).

Мастюгина Т. М., Перепелкин Л. С., Стельмах В. Г. Национальная политика России: XVI — начало XXI века. М.: Форум, 2013. 304 с. (*Mastjugina T. M., Perepelkin L. S., Stel'mah V. G.* The National Policy of Russia: XVI — the beginning of XXI century. M.: Forum, 2013. 304 p.).

Матвеев В. В. Национальный вопрос и государственно-политические реальности России // Российская историческая политология: курс лекций / отв. ред. С. А. Кислицын. Ростов н/Д.: Феникс, 1998 (*Matveev V. V.* Ethnic Question and State-Political Realities of Russia // The Russian Historical Political Science: the Course of Lectures / the editor-in-chief S. A. Kislicyn. Rostov-on-Don: Feniks, 1998).

Миллер А. И. История империй и политика памяти // Наследие империй и будущее России / под ред. А. И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое литературное обозрение, 2008. 528 с. (*Miller A. I.* History of Empires and a Policy of Memory // Heritage of Empires and the Future of Russia / ed. by A. I. Miller. M.: Fund «Liberal mission», 2008. 528 p.).

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям // http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php (The First General Population Census of the Russian Empire 1897. Population Distribution on a Native Language, Provinces and Areas // http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php).

Подпрятков Н. В. Национальные вооруженные формирования народов России и СССР в XVIII — первой половине XX в.: дис. ... докт. ист. наук по специальности 07.00.02 «Отечественная история». Пермь, 2012. 525 с. (*Podprjatov N. V.* National Armed Formations of the People of Russia and the USSR in XVIII — First Half XX Centuries. The Dissertation on Competition of a Scientific Degree of the Doctor of Historical Sciences on a Speciality 07.00.02 «National History». Perm', 2012. 525 p.).

Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. М.: Наука, 1991. 397 с. (*Pushkarev S. G.* The Review of Russian history. M.: Science, 1991. 397 p.).

Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. 922 с. (Russia: the Encyclopaedic Dictionary. L.: Lenizdat, 1991. 922 p.).

Тавадов Г. Т. Этнология. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2013. 408 с. (*Tavadov G. T.* Ethnology. M.: Izdatelsko-trading corporation «Dashkov and K°», 2013. 408 p.).